

А. И. Соболевский

Славяно-Русская палеография

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А. И. Соболевский**
Славяно-Русская палеография / А. И. Соболевский – М.: Книга по Требованию, 2020. – 142 с.

ISBN 978-5-458-01897-5

Лекции А.И.Соболевского.
С 20 палеографическими таблицами.
Издание 2-ое Императорского Археологического института.

ISBN 978-5-458-01897-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

даше (переводилъ) отъ Грекъ на словѣнское письмо, и списаша книги многи». По словамъ того же лѣтописца, «Ярославъ бѣ любимъ книгамъ, и многи, написавъ, положи въ св. Софѣи (въ Кіевѣ)». Никола Святоша, одинъ изъ князей Ольговичей, постригшійся въ началѣ XII вѣка въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, имѣлъ много книгъ; эти книги послѣ его кончины находились въ томъ же монастырѣ. Вѣроятно, не мало книгъ было написано въ Ростовѣ и въ Смоленскѣ. По крайней мѣрѣ, лѣтописецъ подъ 1229 годомъ сообщаетъ, что ростовскій епископъ его времени Кириллъ былъ богатъ всѣмъ, между прочимъ и книгами. Житіе св. Стефана Пермскаго говоритъ, что въ XIV вѣкѣ въ ростовскомъ монастырѣ св. Григорія Богослова «книги многи бяху». Изъ житія Авраамія Смоленскаго мы узнаемъ, что этотъ святой въ концѣ XII или въ началѣ XIII столѣтія написалъ много книгъ, «ово своею рукою, ово многими писцы».

По своему происхожденію сохранившіяся до насъ русскія книги XI—XIV вѣковъ относительно разнообразны. Большая ихъ часть — переводы съ греческаго, сдѣланные славянскими первоучителями, ихъ учениками и ихъ послѣдователями въ Болгаріи IX и X вѣковъ, и переписанные русскими писцами. Небольшая часть — переводы также съ греческаго, сдѣланные въ Россіи, главнымъ образомъ повидимому въ Кіевѣ. Мы уже привели слова лѣтописца, что Ярославъ «прекладаше отъ Грекъ на словѣнское письмо» и при помощи многихъ писцовъ изготовилъ много книгъ. Никола Святоша, о которомъ мы уже упомянули, также заказывалъ переводы съ греческаго. Нѣтъ сомнѣнія, что благодаря частымъ сношеніямъ до-татарской Руси съ Греціею, было довольно людей, Русскихъ и Грековъ, способныхъ переводить съ греческаго. Наконецъ еще небольшая часть — оригинальныя произведенія и компіляціи русскихъ авторовъ. Это — довольно многочисленныя поученія, нѣсколько житій русскихъ святыхъ, нѣсколько лѣтописей, произведенія рѣдко съ именами составителей, обыкновенно анонимныя.

По содержанію дошедшія до насъ русскія книги XI—XIV в. мало разнообразны. Большинство ихъ — богослужебныя; затѣмъ сравнительно много житій святыхъ и твореній святыхъ отцевъ. Книгъ свѣтскаго содержанія очень немного; изъ нихъ стоитъ отмѣтить лишь два списка лѣтописей, оба XIV вѣка.

Кромѣ книгъ, Русь XI—XIV вѣковъ имѣла грамоты (документы), Грамоты. правительственныя и частныя.

Число тѣхъ и другихъ, дошедшихъ до насъ въ подлинникахъ, по преимуществу XIV вѣка, около 100. Но по этой цифрѣ трудно заключать о числѣ грамотъ, написанныхъ въ Россіи XI—XIV вѣковъ. Тѣ постигавшія ее бѣдствія, которыя вели къ гибели книгъ, вели также и къ гибели грамотъ. До насъ не дошло даже клочковъ изъ большей части княжескихъ архивовъ. Кромѣ нѣсколькихъ договоровъ съ тверскими князьями, исчезъ весь новгородскій архивъ, перенесенный въ концѣ XV вѣка въ Москву. Совсѣмъ безслѣдно исчезъ псковской архивъ. Отъ архива московскихъ князей сохранилось до насъ лишь нѣсколько духовныхъ и договоровъ этихъ князей; а между тѣмъ въ половинѣ XV вѣка въ немъ находились, какъ видно изъ договора Дмитрія Шемяки съ удѣльными князьями, «грамоты докончальныя (договоры), и ярлыки, и дефтеры, и иныя грамоты» (*Собр. гос. гр. и дог.*, I, стр. 150). Архивы митрополитовъ, епископовъ, монастырей, церквей, за ничтожными исключеніями, также погибли; даже архивъ московскихъ митрополитовъ XIV вѣка не дошелъ до насъ; «грамоты всѣ

церковныя сгорѣли», говоритъ митрополитъ Фотій въ своей духовной 1431 года.

Тѣ грамоты, которыя мы имѣемъ отъ XI — XIV вѣковъ, показываютъ намъ, что письменный документъ въ русской жизни того времени игралъ значительную роль. Князья, даже братья, уславливаясь о чемъ-нибудь между собою, составляли письменные договоры; умирая и завѣщая все дѣтямъ, они прибѣгали къ письменнымъ завѣщаніямъ; ихъ судебные приговоры излагались письменно. Частныя лица слѣдовали за князьями. Такъ называемыя двинскія грамоты, самаго конца XIV вѣка или — вѣрнѣе — начала XV вѣка, написанныя въ Двинской землѣ (въ нынѣшней Архангельской губерніи), показываютъ, что даже въ самомъ глухомъ углу тогдашней Россіи, при продажѣ земли, крестьяне считали нужнымъ писать грамоты. Рядная двухъ Псковичей, конца XIII вѣка, даетъ понять, что въ это время при заключеніи брака письменный договоръ о приданомъ былъ дѣломъ обычнымъ.

Приведенныя данныя говорятъ, что грамотныхъ людей въ Россіи XI—XIV вѣковъ было достаточно.

Простая грамотность повидимому мало цѣнилась. Она открывала путь къ священническому сану (Владимирскій соборъ 1274 г. велить ставить въ попы лишь тѣхъ, кто грамоту «добрѣ» знаетъ; *Русск. Достопамят.* I, 111; Кормчая, переведенная съ греческаго, требуетъ, чтобы даже въ «причетники» ставились люди «добрѣ» разумѣющіе грамоту; Рязанская Кормчая 1284 года, л. 231). И только. Лѣтописцы и авторы житій умалчиваютъ о грамотности, когда говорятъ о достоинствѣ тѣхъ или другихъ лицъ. Они отмѣчаютъ только «хитрость», большую или меньшую ученость. Обыкновенно ихъ указанія относятся къ духовнымъ лицамъ. Такъ, въ Никоновской лѣтописи о митрополитѣ Климентѣ Смолятичѣ (въ половинѣ XII вѣка) мы читаемъ: «бысть книжникъ и философъ такъ (такой), якоже въ русской земли не башеть (было)». Или, въ той же лѣтописи о любимцѣ Димитрія Донского архимандритѣ Митяѣ (умеръ въ 1379 году) говорится: «грамотѣ гораздъ зѣло и книгами премудръ зѣло; никтоже обрѣташея таковъ». А другая лѣтопись этого Митяя хвалитъ въ такихъ выраженіяхъ: «грамотѣ гораздъ, пѣти гораздъ, чести гораздъ, книгами говорити гораздъ». Въ той же Никоновской лѣтописи о старцѣ Павлѣ Высокомъ, жившемъ въ Печерскомъ монастырѣ подъ Нижнимъ Новгородомъ и умершемъ въ 1383 г., говорится, что онъ «книженъ бысть вельми и философъ велій». Но немало лѣтописныхъ указаній имѣетъ своимъ предметомъ мірянъ, главнымъ образомъ князей. Объ Ярославѣ мы читаемъ, что онъ «книгамъ прилежа и почитая ѣ (ихъ) часто, въ ноци и въ дне». О Владимирѣ Васильковичѣ Волынскомъ (умеръ въ 1288 году), — что онъ былъ «книжникъ великъ и философъ, акоже не бысть во всей земли и ни по немъ не будетъ». Епископъ Прохоръ, авторъ житія митрополита Петра, сообщаетъ, что Иванъ Калита былъ «гораздъ святымъ книгамъ». Преп. Кириллъ Бѣлозерскій въ посланіи къ Юрію Дмитріевичу, сыну Димитрія Донского, пишетъ: «слышу, что божественное писаніе самъ въ конецъ разумѣешь и чтешь». Можно еще указать, что два князя XII вѣка, Владимиръ Мономахъ и его внукъ Андрей Боголюбскій, выступили на литературное поприще, а одинъ изъ русскихъ проповѣдниковъ XI вѣка (какъ думаютъ, митрополитъ Иларіонъ) писалъ, какъ онъ говоритъ, для людей «преизлиха насытившихся сладости книжной».

Гдѣ и какъ учились Русскіе въ XI—XIV вѣкахъ?

Наши свѣдѣнія объ этомъ очень скудны. Несомнѣнно, ни правительственныхъ, ни общественныхъ училищъ тогдашняя Русь не имѣла; въ ней были лишь частныя школы. Ихъ имѣетъ въ виду лѣтописецъ, рассказывая, подъ 988 годомъ, что Владимиръ Святой «нача поимати у нарочитое чади (у знатныхъ людей) дѣти, и даяти нача на ученье книжное». Объ одной изъ нихъ говоритъ Несторъ въ житіи Θεодосія Печерскаго (XI вѣкъ); по его словамъ, святой, еще ребенокъ, былъ отданъ матерью «единому отъ учителей» города Курска и у него «извыче вся граматикія»; какъ видно, Несторъ полагаетъ, что въ маленькомъ Курскѣ этого времени могло быть нѣсколько школъ.

Школы.

Всѣ наши свѣдѣнія объ обученіи грамотѣ относятся къ дѣтямъ. Какъ мы сейчасъ видѣли, Владимиръ Святой велѣлъ обучать дѣтей; Θεодосій Печерскій былъ отправленъ къ учителю въ дѣтскомъ возрастѣ. То же мы знаемъ о преподобныхъ Варлаамѣ Хутынскомъ, Аврааміи Смоленскомъ, митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ. Житія княжны Евфросиніи Полоцкой (XII вѣкъ) и княгини Θεодоры Нижегородской (XIV в.) сообщаютъ, что онѣ были обучены книжному писанію въ юности.

О предметахъ школьнаго обученія и школьныхъ порядкахъ въ Россіи XI—XIV вѣковъ мы можемъ лишь догадываться. Судя по всему, они были тѣ же, что въ Россіи XV—XVII вѣковъ. Повидимому, первую книгою чтенія была псалтырь; какъ будто ее имѣетъ въ виду житіе Варлаама Хутынскаго, словами: святой «грамотѣ извыче и книги вся и псаломскія толкованія навиче». Повидимому, суровое обращеніе учителей съ учениками было обычно. По крайней мѣрѣ изъ житія Авраамія Смоленскаго видно, что ученики иногда «унывали», а изъ житія Сергія Радонежскаго (XIV в.),—что этотъ святой былъ отъ учителя «томимъ». Греческій сборникъ изреченій, переведенный въ Россіи въ XI—XII вѣкахъ, Пчела отлично характеризуетъ тяжесть школьнаго ученія въ Греціи. «Въ трехъ нуждахъ (бѣдахъ) былъ есмь, говорится въ ней,—въ грамотикіи (въ начальной школѣ), въ убожїи, у люты жены; да двою нужу (отъ двухъ бѣдъ) убѣжахъ, а злы жены не могу утечи». Школа называется здѣсь бѣдою и приравнивается къ нищетѣ и къ несчастной семейной жизни. Надо думать, что въ школьномъ дѣлѣ, какъ и во многомъ другомъ, старая Русь слѣдовала за Греціей какъ за образцомъ.

Возможно, что немногіе русскіе юноши, конечно, изъ знатныхъ и богатыхъ, отправлялись въ Грецію и обучались у греческихъ учителей разнымъ наукамъ. На это, кажется, намекаетъ Даніиль Заточникъ (XII или XIII вѣкъ), говоря о себѣ: «азъ ни за море ходилъ, ни отъ философъ научился». Но такіе юноши, если были,—считались единицами.

Число дошедшихъ до насъ русскихъ книгъ (рукописей) за *периодъ отъ XV до XVII вѣка* включительно—около 25.000. И здѣсь цифра не можетъ дать намъ яснаго представленія о числѣ книгъ, написанныхъ и обращавшихся въ это время въ Россіи. Если мы ее увеличимъ въ десять разъ и признаемъ, что девять десятыхъ написанныхъ тогда книгъ исчезло, и тутъ мы едва ли достаточно приблизимся къ истинѣ. Не распространяясь о бѣдствіяхъ, постигавшихъ Россію послѣ XIV вѣка и ведшихъ къ гибели книгъ, упомянемъ о двухъ страшныхъ московскихъ пожарахъ—1737 года, когда сгорѣлъ старый московскій дворецъ съ остаткомъ библіотеки московскихъ царей XVII вѣка, и 1812 года, когда погибли собранія рукописей (преимущественно позднѣе XIV вѣка) графа Мусина-Пушкина, графа Бутурлина, профессора Баузе и Демидова.

Русь
XV—XVII
вѣковъ.

Книги.

По мѣсту написанія дошедшія до насъ русскія книги XV—XVII вѣковъ съ датами отличаются значительнымъ разнообразіемъ. Конечно, большая ихъ часть была изготовлена въ Москвѣ и другихъ большихъ городахъ; но мы знаемъ цѣлый рядъ такихъ, которыя написаны въ отдаленныхъ отъ центра городахъ и деревняхъ. Пергаменная Триодъ постная 1410 года (М. Арх. Мин. Ин. д.) написана въ селѣ Петровскомъ, близъ Вологды; Учительное Евангеліе 1516 года (Имп. Публ. Библ.)—въ Ивановгородѣ; Евангеліе 1527 года (Имп. Публ. Библ.)—въ селѣ Новомъ, близъ Вязьмы; Палея 1576 года (Рум. М., собр. Тихонравова)—въ Гороховцѣ; Трефолой 1581 года (Арханг. Семинарія)—въ Матигорской волости; Сборникъ 1597 года (Чудовъ мон.)—въ Астрахани; Уставъ церковный 1607 года (Имп. Публ. Библ.)—въ Верховажской волости (Архангельской губ.); Сборникъ статей противъ лютеранъ 1646 года—въ Якутскомъ острогѣ. Стоитъ отмѣтить лишь то обстоятельство, что книгъ происходящихъ изъ сѣверо-восточной, московской Руси до насъ дошло значительно больше, чѣмъ книгъ изъ юго-западной, литовской Руси.

О происхожденіи русскихъ книгъ XV—XVII вѣковъ прежде всего слѣдуетъ повторить сказанное ранѣе о происхожденіи книгъ предшествующаго періода, такъ какъ эти послѣднія, за немногими исключеніями, продолжали переписываться русскими писцами и находить себѣ читателей. Во второй половинѣ XIV и въ первой XV вѣка въ Россіи появилось большое число новыхъ книгъ, по большей части переведенныхъ съ греческаго въ Болгаріи и Сербіи въ XIII—XIV вѣкахъ; они быстро распространились. Съ половины XVI вѣка до конца XVII-го, особенно во второй половинѣ послѣдняго столѣтія, въ Россіи былъ переведенъ цѣлый рядъ книгъ съ латинскаго, нѣмецкаго, польскаго, греческаго языковъ. Наконецъ число русскихъ оригинальныхъ произведеній и компиляцій, написанныхъ въ XV—XVII вѣкахъ, можетъ быть названо значительнымъ. Это—поученія, житія святыхъ, лѣтописи, хронографы, историческія повѣсти.

По содержанію дошедшія до насъ русскія книги XV—XVII вѣковъ сравнительно разнообразны. Большинство ихъ—богослужебныя, житія, святыхъ, творенія святыхъ отцевъ. Меньшинство—книги свѣтскаго содержанія; иногда они имѣютъ своимъ предметомъ исторію, географію, медицину, астрономію и т. п.; иногда это—романы, повѣсти, сборники смѣшныхъ анекдотовъ.

Грамоты.

Если Русь XI—XIV вѣковъ любила писать грамоты, то объ Руси XV—XVII вѣковъ можно сказать, что она не могла обходиться безъ грамотъ, записныхъ книгъ и т. д. Знатокъ хозяйства, авторъ Домостроя приказываетъ все пересчитывать, перемѣривать и записывать, и въ богатыхъ боярскихъ домахъ XVI—XVII вѣковъ дѣйствительно нерѣдко велись всему книги. Мы знаемъ одну изъ нихъ—приходорасходную книгу боярина Морозова 1668 года. Число дошедшихъ до насъ грамотъ и разныхъ дѣловыхъ тетрадей и книгъ XV—XVII вѣковъ такъ велико, что мы не въ состояніи его опредѣлить даже приблизительно. Но сколько ихъ погибло и погибаетъ!

Сѣверо-восточная Русь.

Грамотность въ сѣверо-восточной Руси XV—XVII вѣковъ была явленіемъ вполне обычнымъ.

Грамотность.

Прежде всего было грамотно духовенство. Бѣлые священники были поголовно грамотны. Московское правительство XVI и XVII вѣковъ постоянно приказываетъ крестьянамъ и посадскимъ людямъ, если они не знаютъ грамотъ, давать расписываться за себя отцамъ духовнымъ; слѣдовательно, считаетъ священ-

никовъ, какія бы мѣстности ни имѣлись въ виду, всѣхъ безъ исключенія грамотными. Ни на одномъ изъ извѣстныхъ намъ документовъ мы не находимъ ни указанія на отказъ священника подписаться по безграмотству, ни какого-либо другаго свидѣтельства объ его безграмотствѣ. Напротивъ того, даже документы, составленные въ отдаленныхъ концахъ московскихъ владѣній въ XVII вѣкѣ—въ Енисейскѣ (1640 года) и въ Селенгинскѣ (1687 года), скрѣплены подписями тамошнихъ священниковъ.

Относительно бѣлыхъ дьяконовъ и дьячковъ у насъ мало свѣденій. Но всѣ данныя, которыми мы располагаемъ, свидѣлствуютъ исключительно объ грамотности; мы не имѣемъ никакихъ указашій на существованіе неграмотныхъ дьяконовъ и дьячковъ.

Черное духовенство представляло нѣкоторый процентъ неграмотныхъ. Челобитная братіи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря 1582—1583 года, писанная отъ имени 48 монаховъ, подписана только 34-мя. Конечно, нѣкоторые могли не подписаться по слабости зрѣнія, потому, что умѣя читать, разучились писать; но очевидно, нѣкоторое число безграмотныхъ было. Житія угодниковъ, подвизавшихся въ монастыряхъ сѣверо-восточной Руси въ XV—XVII вѣкахъ, говорятъ объ значительномъ процентѣ грамотныхъ въ лучшей части монастырской братіи. Относительно большинства ихъ, какого бы происхожденія они ни были, въ ихъ житіяхъ сообщается, что они были грамотны; лишь немногіе (какъ Геннадій Костромской, XVI вѣка) не знали грамотѣ.

Правда, новгородскій архіепископъ Геннадій (въ концѣ XV вѣка) и отцы Стоглаваго собора 1551 года свидѣлствуютъ о маломъ числѣ достаточно-грамотныхъ кандидатовъ на священническія мѣста; но здѣсь рѣчь идетъ не о томъ, что грамотныхъ людей было мало, а о томъ, что люди хорошо знавшіе грамоту, даже изъ священническихъ дѣтей, не хотѣли идти на малопривлекательную и маловыгодную даже и теперь должность сельскаго священника, а предпочитали идти въ подьячіе многочисленныхъ канцелярій. Князь Курбскій (XVI вѣкѣ) сообщаетъ, что довѣренныя царскіе дьяки его времени избирались царемъ—«не отъ шляхетскаго рода, ни отъ благородна, но паче (по преимуществу) отъ поповичевъ или отъ простаго всенародства». Авраамій Палицынъ (начало XVII вѣка) говоритъ такъ: «Чинъ убо церковный, иже разумъ имущей, не восхотѣша по отцѣхъ служити алтарю Господню, но бывающе судіи и книгочія (дьяки и подьячіе) земстїи; невѣжда же и не наученїи, тїи церковное правленїе воспрїемляху».

Если мы обратимся къ великимъ князьямъ и царямъ, то увидимъ, что они были или по своему хорошо образованы, или по крайней мѣрѣ грамотны. Князь Катыревъ-Ростовскій (первая половина XVII вѣка) такъ характеризуетъ извѣстныхъ ему царей и царскихъ дѣтей. Иванъ Грозный былъ «въ наукѣ книжнаго поученія доволенъ и многорѣчивъ зѣло»; Федоръ Борисовичъ Годуновъ «наученъ бѣ книжному почитанїю, о вѣрѣ же и поученїи книжномъ со усердіемъ прилежа»; Ксенія Борисовна была «писанїю книжному навична»; Разстрига былъ «въ наученїи книжномъ доволенъ»; Василій Шуйскій—«книжному поученїю доволенъ». Всѣ цари и царевичи XVII вѣка были хорошіе грамотеи. Собственноручно написанныя книги и письма царевнѣ XVII свидѣлствуютъ объ ихъ грамотности. Правда, есть указанія, что Василій Темный былъ «не книженъ», что Борисъ Годуновъ «писанїя божественнаго не навыкъ»; но это значить лишь то, что они не были образованными людьми; грамоты съ подписью Бориса до насъ дошли. Любопытно, что даже казанскій царь Магметъ-Аминь, переселившись въ Россїю, подписывалъ свои грамоты не только по-татарски, но и по-русски (конецъ XV вѣка).

Что до бояръ и вообще высшаго сословія, то и въ ихъ средѣ грамотность была достаточно распространена. На соборной грамотѣ объ избраніи на царство Бориса Годунова 1597 года изъ 22 бояръ подписалось 18, изъ 15 окольничихъ—13, изъ 42 стольниковъ—36, изъ 98 дворянъ—64, изъ 40 жильцовъ—38. Само собою разумѣется, нѣтъ основанія думать, что всѣ не подписавшіеся подъ этой грамотою были безграмотны. Подъ показаніемъ псковскихъ помѣщиковъ, числомъ около 90 человѣкъ, по дѣлу о злоупотребленіяхъ кн. Пожарскаго 1631 года, подписалось 59. Конечно, и здѣсь нельзя говорить о безграмотствѣ всѣхъ не подписавшихся. Боярыни и боярышни XVII вѣка зачастую оказываются грамотными; между ними можно назвать извѣстную ревнительницу раскола боярыню Морозову. Князь Курбскій упоминаетъ о многихъ юношахъ (его, конечно, сословія) «тщаливыхъ къ науцѣ, хотящихъ навыкати писанія».

Купечество рекомендуетъ себя съ самой лучшей стороны. Упомянутая выше грамота объ избраніи Бориса Годунова подписана изъ 28 гостей—21-мъ. Челобитная московскихъ торговыхъ людей о притѣсненіяхъ иноземцевъ 1646 года подписана изъ 168 челобитчиковъ—163-мя. Два путешественника XV вѣка—купецъ Аѳанасій Никитинъ (по востоку и Индіи) и гость Василій (по Святымъ мѣстамъ) оставили описанія видѣннаго ими. Путешественникъ XVII вѣка купецъ Василій Гагара (Святая мѣста) сдѣлалъ то же. Между купцами XVII вѣка было не мало большихъ книголюбцевъ и своего рода меценатовъ. По желанію одного изъ нихъ переводчикъ Посольскаго приказа Гозвинскій перевелъ въ 1608 году съ польскаго такъ называемый Тропникъ (О презрѣннѣи къ міру, папы Иннокентія). На счетъ другого, Ивана Короткаго, Грекъ іеродіаконъ Козма перевелъ въ 1698 году съ греческаго Риторику Софронія Лихуда. Писецъ Хронографа 1641 г. (М. Арх. Мин. Ин. д.) подробно рассказываетъ, какъ одинъ купецъ, «книголюбителъ сый», пожелалъ имѣть списокъ хронографа и «на многобогатыхъ своихъ трапезахъ честно почитая съ честными сотрапезниками», заставилъ искуснаго писца, уже больнаго старика, написать ему книгу.

Между посадскими людьми, по нашему—мѣщанами, грамотность также не была рѣдкостью. На грамотѣ объ избраніи Бориса Годунова изъ 16 сотскихъ черныхъ сотенъ подписалось пять; подъ показаніемъ псковскихъ посадскихъ и торговцевъ по дѣлу кн. Пожарскаго изъ 231 человѣка подписалось 38. Мы имѣемъ рядъ книгъ, написанныхъ посадскими людьми въ XVII вѣкѣ или принадлежавшихъ посадскимъ людямъ. Такъ, Сборникъ 1689 г. (Рум. М. № 378) написанъ посадскимъ Борисоглѣбской слободы Ярославскаго уѣзда; сборникъ конца XVII вѣка (Имп. Публ. Библ., Толст. II, № 70) написанъ—соликамскимъ посадскимъ. Одинъ Хронографъ въ 1646 году принадлежалъ посадскому въ Яренскѣ; Сказаніе Аврамія Палицына въ концѣ XVII вѣка было въ рукахъ холмогорскаго посадскаго; и т. п. Стоитъ отмѣтить списокъ Діалектики и Риторики XVII вѣка (Рум. М. № 2778), которымъ патріархъ Іоакимъ въ 1673 году «благословилъ» Каргопольца посадскаго человѣка Семена Купріянова и который потомъ принадлежалъ другому Каргопольцу, тоже посадскому.

Даже между крестьянами, казаками, стрѣльцами и солдатами были грамотные. Изъ житій святыхъ XV вѣка мы узнаемъ, что крестьяне родомъ, преподобные Антоній Сійскій, Александръ Свирскій, Александръ Ошевенскій, Зосима Соловецкій, Серапіонъ архіепископъ новгородскій еще въ дѣтствѣ были обучены грамотѣ. Учебное Евангеліе 1516 года написано въ Иваньгородѣ пушечникомъ. Неизвѣстный по имени житель «веси ростовскихъ областей» временъ Ивана Грознаго составилъ такъ называемую Тверскую лѣтопись. На Псалтыри XVI вѣка (М. Общ.

Ист. и Др. № 318) сдѣлалъ въ 1663 году приписку донской казакъ. Подписи крестьянъ, казаковъ и проч. на документахъ XVII в. не представляютъ большой рѣдкости и грамотные между ними оказываются даже въ Енисейскѣ, Селенгинскѣ, Якутскѣ. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 г. предполагаетъ существованіе грамотныхъ среди холоповъ.

Понятно, простая грамотность не могла сколько-нибудь цѣниться. Къ сочиненіямъ просто грамотныхъ людей, даже важнымъ по содержанию, современники относятся съ нѣкоторымъ презрѣніемъ: они, говорятъ, писаны «просторѣчіемъ, якоже поселяне», «безъ украшенія» и т. п. Цѣнилось лишь то, что было написано «благохитростнѣ». Изъ дѣятелей XVI вѣка въ Максимѣ Грекѣ цѣнили то, что онъ былъ «словеснаго любомудрія зѣло преисполненъ, священныя же философіи до конца навыклъ»; одного его современника, бывшаго митрополита Спиридона хвалили за «мудрость» въ литературномъ дѣлѣ и полное знакомство съ «писаніями ветхими и новыми»; о другомъ современникѣ, бояринѣ Тучковѣ отзывались, что онъ «издѣтска навыкъ вельми божественнаго писанія».

Московская Русь XVI—XVII вѣковъ могла похвалиться цѣлымъ рядомъ ученыхъ по тому времени людей, выступившихъ на литературное поприще, и не только духовныхъ, но и мірянъ. Стоитъ упомянуть объ царѣ Иванѣ Грозномъ, его старшемъ сынѣ Иванѣ Ивановичѣ, князѣ Курбскомъ, бояринѣ Тучковѣ, князѣ Токмаковѣ, князѣ Шаховскомъ, князѣ Катыревѣ-Ростовскомъ, муромскомъ губномъ старостѣ Дружинѣ (или Калистратѣ) Осорьинѣ, о воеводѣ Олферьевѣ, о дьякѣ Грамотинѣ, наконецъ о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Свѣдѣнія о школахъ въ сѣверо-восточной Руси XV—XVII вѣковъ болѣе многочисленны, чѣмъ о школахъ болѣе ранняго времени. Школы

Нѣтъ сомнѣнія, что ни правительственныхъ, ни общественныхъ школъ до половины XVII вѣка въ ней не существовало. Но частныхъ школъ, мелкихъ, было такъ много, что лицо, желавшее обучить своихъ дѣтей грамотѣ, не имѣло надобности ихъ разыскивать. Изъ житій святыхъ мы видимъ, что въ XV вѣкѣ св. Серапіонъ, потомъ архіепископъ новгородскій, научился грамотѣ въ своей родной деревнѣ близъ Москвы; для преп. Александра Свирскаго нашлась школа въ родной деревнѣ въ Обонежѣ; для преп. Александра Ошевенскаго — въ селѣ близъ Бѣлаго озера; для преп. Антонія Сійскаго — въ селѣ близъ Бѣлаго моря. Слѣдовательно, въ этомъ столѣтіи даже на далекомъ сѣверѣ въ школахъ не было недостатка. Въ XVI и XVII вѣкахъ, особенно послѣ предписаній Стоглаваго собора 1551 года, число школъ должно было увеличиться. Они содержались «учителями» или «мастерами», главнымъ образомъ изъ среды духовенства. Стоглавъ предписываетъ открывать училища священникамъ, дьяконамъ и дьячкамъ; житія говорятъ объ учителяхъ по преимуществу дьячкахъ. Учителя монахи были рѣдко, отчасти, можетъ быть, потому, что въ тѣ времена вообще воспрещался дѣтямъ входъ въ монастырь; Стоглавъ, напримѣръ, требуетъ, чтобы «молодые отроки отнюдь никакоже никоторыми дѣлы въ монастырь не входили». Учителя изъ мірскихъ людей («мужики», какъ ихъ называетъ архіепископъ новгородскій Геннадій) были тоже, повидимому, не часто, но существовали.

Число учениковъ было, конечно, разнообразно. Житіе новгородскаго архіепископа Іоны (XV вѣкъ) говоритъ о «многихъ соученикахъ» святаго; изъ житія преп. Іосифа Волоцкаго мы узнаемъ, что онъ «учаешся разумно и всѣхъ сверстникъ превзыде»; въ житіи Антонія

Сійскаго рассказываетъ, что этотъ святой «во училищи паче всѣхъ сверстникъ преуспѣваше въ книжномъ ученіи». Въ лицевомъ житіи преп. Сергія нач. XVII вѣка (два списка—Троицкой Лавры и Академіи Наукъ) есть изображеніе школы съ учителемъ и 11 учениками. Въ лицевомъ житіи преп. Антонія Сійскаго 1648 года (списокъ Шукина), во 2-мъ изданіи Азбуки Бурцева (напечатанномъ въ Москвѣ въ 1637 году), въ Букварѣ Ѳ. Поликарпова (напечатанномъ въ Москвѣ въ 1701 году) также имѣются изображенія школы, всѣ съ небольшимъ числомъ учениковъ.

Школьнымъ возрастомъ, для XV—XVI вѣковъ наиболѣе обычнымъ, былъ семилѣтній. Въ житіи Іосифа Волоцкаго (XV вѣкъ) мы читаемъ: «егда бысть седми лѣтъ, родители его даша на ученіе грамотѣ»; въ житіи его современника архіепископа новгородскаго Серапіона: «седмаго лѣта достигшу, вданъ бываетъ въ наученіе грамотѣ», и т. п. Но въ XVII вѣкѣ нерѣдко, повидимому, учились въ школѣ уже «недоросли», подростки 15—16 лѣтъ. Полный курсъ наукъ проходилъ обыкновенно въ два года. Способные ученики обучались «спѣшнѣ нѣкакю»; другіе напротивъ—«косно и нескоро»; многіе, вѣроятно, послѣ долгихъ усилій наставниковъ, оставляли школу, не усвоивъ грамоты.

Побой въ школѣ были, конечно, въ обычаѣ. Шадить жезлъ при обученіи не полагалось. Но свѣдѣній въ нашихъ источникахъ мало. Очевидно, побой не выходили изъ нормы того времени. Можно указать на наставленіе митрополита Михаила учителямъ въ Степенной книгѣ, имѣющее въ виду, конечно, учителей времени составленія этой книги (XVI вѣкъ): «учите не яростію, ни жестокостію, ни гнѣвомъ, но радостовиднымъ страхомъ, и любовнымъ обычаемъ, и сладкимъ поученіемъ, и ласковымъ разсужденіемъ, противу (сообразно) коегождо (каждаго) силы и со ослабленіемъ, да не унываетъ». Но болѣе любопытна челобитная подъячихъ одного изъ московскихъ приказовъ царю Ѳедору Алексѣевичу; въ ней говорится, что правительство отправляетъ подъячихъ изъ Москвы къ разнымъ дѣламъ, а ихъ дѣтишки и недоросли безъ нихъ учатся грамотѣ и письму, и этихъ дѣтишекъ «молодоумныхъ» и недорослей отъ «мастеровъ» сманиваютъ въ боярскія помѣстья, а нѣкоторые и сами съ молодумія своего «бѣгають отъ мастерскаго ученія» (*Владим. Губ. Вѣд.* 1857 г., № 6). Очевидно, ученики находили болѣе пріятнымъ поступать къ помѣщикамъ въ крѣпостные люди, чѣмъ обучаться у строгихъ наставниковъ.

Главными предметами обученія въ московской школѣ XV—XVII вѣковъ были чтеніе, письмо и пѣніе.

Первоначальное обученіе производилось по азбукѣ. Азбуки или буквари въ XV—XVI вѣкахъ были рукописныя; онѣ продавались на рынкахъ. Съ первой половины XVII вѣка появляются азбуки печатныя. Какъ великъ былъ спросъ на эти послѣднія, можно видѣть изъ прихода-расходныхъ книгъ московской типографіи; оказывается, въ Москвѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ (1647—1651 годы) азбука была напечатана три раза, всего въ количествѣ 9600 экземпляровъ. Но печатная азбука не вытѣснила рукописныхъ; нѣсколько роскошныхъ рукописныхъ азбукъ второй половины XVII вѣка (въ видѣ огромныхъ столбцовъ, съ орнаментомъ) до насъ дошло.

За азбукою слѣдовалъ часословъ или псалтырь; они выучивались учениками наизусть. Спросъ на эти книги былъ еще больше, чѣмъ на азбуки, и московская типографія напечатала «учебный» часословъ въ теченіе семи лѣтъ (1645—1652 гг.) восемь разъ, а «учебную» псалтырь въ теченіе шести лѣтъ (1645—1651 гг.)—девять разъ. Архіепископъ Геннадій находилъ, что для учениковъ достаточно изучить азбуку и псалтырь; послѣ нихъ можно «канархати (пѣть) и чести всякія книги».

Послѣ азбуки «нѣціи», какъ говоритъ предисловіе къ печатной грамматикѣ 1721 года, переходили къ апостолу; и эта книга заучивалась учениками. Далѣе слѣдовало евангеліе. Въ концѣ XVI вѣка уже были школы, гдѣ преподавалась «книга философская», или общая грамматика, будто бы Іоанна Дамаскина (раньше она, вѣроятно, изучалась только взрослыми); съ половины XVII вѣка вошла въ нѣкоторое употребленіе грамматика Мелетія Смотрицкаго, перепечатанная въ Москвѣ въ 1648 году «въ наученіе православнымъ, паче же дѣтемъ сущимъ»; должно замѣтить, что другаго изданія этой грамматики въ теченіе всей второй половины XVII вѣка не понадобилось. Вѣроятно, преподавались и другія сочиненія по грамматикѣ и орфографіи, встрѣчающіяся въ спискахъ конца XVI и всего XVII вѣка. Во второй половинѣ XVI вѣка незнакомство съ грамматикой уже считалось признакомъ невѣжества; такъ, извѣстный печатникъ Иванъ Федоровъ въ 1574 году называетъ своихъ московскихъ враговъ не научеными, неискусными въ разумѣ, «ниже грамматическія хитрости навывкше». Повидимому, въ нѣкоторыхъ школахъ конца XVI вѣка преподавалось что-то изъ ариѳметики, можетъ быть, одна таблица умноженія или, какъ называется она въ рукописяхъ,—«счетъ греческихъ купцовъ, учать младыхъ дѣтокъ считать»; а во второй половинѣ XVII вѣка была въ ходу даже полная ариѳметика (четыре дѣйствія); списокъ ея 1684 года (Имп. Публ. Библ.) изготовленъ для жителя Нижняго Новгорода «въ наученіе сыну его». Наконецъ, съ половины XVII вѣка кое-гдѣ обучали катехизису; въ 1649 году въ Москвѣ была перепечатана кievская книжка «Собраніе науки объ артикулахъ вѣры», «ради ученія и вѣдѣнія всѣхъ православныхъ христіанъ, наипаче же дѣтемъ учащимся»; другаго ея изданія не понадобилось.

Такимъ образомъ въ школахъ сѣверо-восточной Руси обучались только грамотѣ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ еще кое-чему. Желавшій получить высшее образованіе долженъ былъ самостоятельно читать и изучать книги, вникая въ смыслъ непонятныхъ мѣстъ и обращаясь за объясненіями къ свѣдущимъ людямъ. «Аще ли еси грубъ и несмысленъ, говоритъ одна изъ статей такъ называемаго Азбуковника (XVII вѣка), то помяни великаго свѣтильника Ивана Златоустаго глаголы, иже рече: не лѣнися, шествуя къ премудрѣйшему, не стыдися воспросити его, и онъ научитъ тя, егоже ищещи». Какъ высоко цѣнились и какимъ уваженіемъ пользовались свѣдущіе люди, видно изъ житія преп. Евфросина Псковскаго (XV вѣка), изъ его разсказа о Псковичѣ Іовѣ Столпѣ, бывшемъ священникѣ, промѣнявшемъ священническій санъ на «гостебное (купеческое) житіе»: «все людие, читаемъ мы здѣсь, купно же и священники и причеть церковный, прихождаху къ нему и вопрошаша отъ него о всякомъ писаніи неразрѣшенѣмъ и о церковномъ устроеніи, купно же и о законныхъ вещехъ; онъ же убо протолкуя, и сказоваше имъ вся по ряду, о чемъ же кто вопрошаше его, и въ сласть его послушаша ученія людие и церковници, да того ради ото всѣхъ честенъ бысть и знаемъ всѣми».

Русское названіе школы—*училище*. Слово *школа* перешло въ русскій языкъ изъ польскаго и появилось сначала въ Руси юго-западной, а потомъ уже (въ XVII вѣкѣ)—въ Руси сѣверо-восточной («Книга о ратномъ строеніи» 1647 года).

Сѣверо-восточная Русь XV—XVII вѣковъ находилась подъ властію Юго-западна Русь. православныхъ государей и іерарховъ, принимавшихъ къ сердцу интeресы просвѣщенія. Юго-западна, или литовская Русь входила частію Грамотность. въ составъ Польскаго королевства (Галиція), частію великаго княже-

ства Литовскаго; польскіе короли, вмѣстѣ и литовскіе великіе князья, были исключительно католики, иногда враждебно расположенные къ православію и ко всему, что тѣсно связано съ православіемъ. Митрополиты, епископы, настоятели богатыхъ монастырей въ юго-западной Руси часто назначались королями изъ среды русскихъ пановъ не потому, что были достойны высокаго сана, а потому, что оказали какія-нибудь услуги и желали награды; иногда это были люди очень сомнительной нравственности.

Галиція только въ первое время по присоединеніи къ Польшѣ (во второй половинѣ XIV-го и въ первой XV вѣковъ) могла пользоваться русскимъ языкомъ и письмомъ для грамотъ; потомъ, когда въ Польшѣ состоялось сеймовое постановленіе, чтобы документы писались исключительно на латинскомъ языкѣ, она должна была перейти къ этому послѣднему. Въ литовской Руси русскій языкъ держался твердо и въ XV, и въ XVI вѣкахъ. Статуты (въ ихъ числѣ и послѣдній, напечатанный въ Вильнѣ въ 1588 году) предписывали употреблять въ официальныхъ документахъ только русское письмо («литеры») и языкъ. Но въ концѣ XVI вѣка, послѣ Люблинской уніи, стало уже допускаться въ официальныхъ документахъ употребленіе польскаго письма и языка (впрочемъ вступительныя и заключительныя фразы писались обыкновенно еще по-русски), а въ концѣ XVII вѣка (съ 1697 г.) оно сдѣлалось уже обязательнымъ; иначе говоря, въ это время пользоваться въ официальныхъ документахъ русскимъ письмомъ и языкомъ было воспрещено.

Въ литературѣ латинскій и польскій языки имѣли такое значеніе, что знаніе ихъ было необходимо для образованнаго Южно-русса или Западно-русса. Уже въ XV вѣкѣ мы встрѣчаемъ авторовъ Русскихъ («Ruthenus»), печатающихъ свои труды по-латыни. Въ концѣ XVI и особенно въ XVII вѣкахъ произведенія православныхъ Русскихъ (и духовныхъ, и мірянъ) на польскомъ языкѣ — вполнѣ обычное явленіе. Кажется, ихъ больше, чѣмъ произведений на русскомъ или церковно-славянскомъ языкѣ. Даже такія книги XVII вѣка, какъ описаніе достопримѣчательностей Кіево-Печерской лавры («Тератургима», Кальнофойскаго), или Печерскій Патерикъ, были изданы на польскомъ языкѣ Уніаты и католики Русскіе XVI—XVII вѣковъ писали исключительно на польскомъ языкѣ.

Грамотные по-русски люди не были рѣдкостью.

Дворяне были грамотны едва ли не всѣ, и не только мужчины, но и женщины. Въ XVI вѣкѣ они свободно подписываются на русскихъ документахъ по-русски; съ конца этого вѣка появляются на русскихъ документахъ подписи по-польски: послѣднія распространяются въ XVII вѣкѣ, вмѣстѣ съ ополяченіемъ юго-западно-русскаго края.

О горожанахъ (мѣщанахъ) мало свѣдѣній; можно предполагать, что грамотность и среди нихъ была широко распространена; во всякомъ случаѣ подписи ихъ на документахъ — обычное явленіе. Вѣроятно, горожанъ читателей главнымъ образомъ имѣли въ виду Скорина въ первой половинѣ XVI вѣка и Тяпинскій во второй половинѣ этого столѣтія, издавая книги священнаго писанія въ своихъ переводахъ.

О простыхъ людяхъ (крестьянахъ, казакахъ) также мало свѣдѣній. Стоитъ отмѣтить одинъ фактъ. Кіевскій митрополитъ Сильвестръ въ 1562 году въ поученіи новопоставляемому (въ село) іерею запрещаетъ допускать «простыхъ» людей читать и пѣть въ церкви. Очевидно, на это были охотники, иногда плохіе грамотеи, производившіе своимъ неискусствомъ мелкіе скандалы въ церкви.